

**Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского**

Зональная научная библиотека имени В. А. Артисевич

представляют виртуальную выставку

Абсолютный

Гегель

из фонда ЗНБ СГУ

К 250-летию со дня рождения

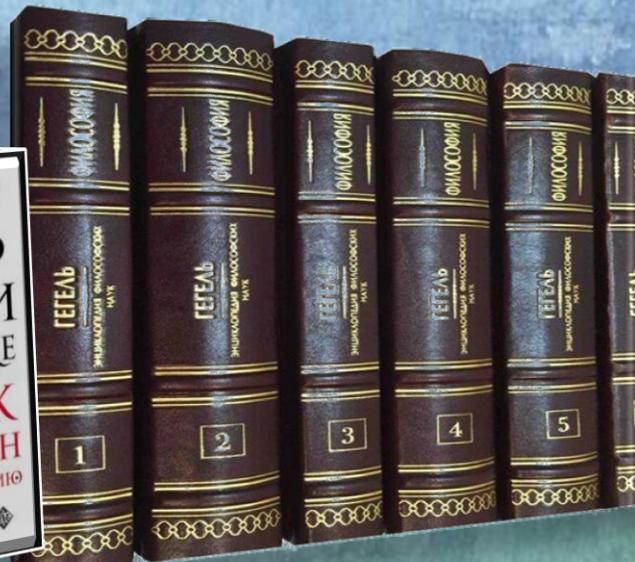
**Саратов
2020**

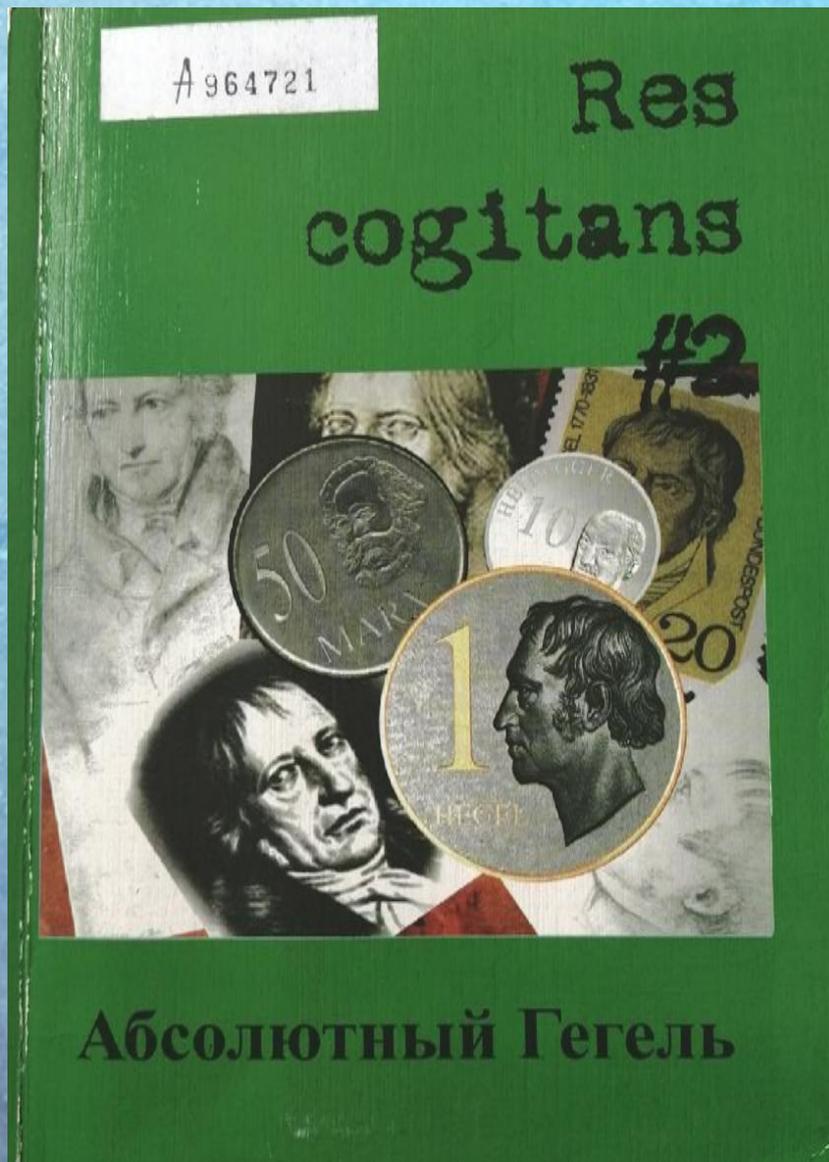

В фонде Зональной научной библиотеки имени Веры Александровны Артисевич СГУ хранятся издания сочинений Георга Вильгельма Фридриха Гегеля и литература, отражающая жизнь и творчество философа.

Среди них и теоретический альманах «Абсолютный Гегель. Res Cogitans # 2», представляющий собой собрание эссе и статей, посвящённых философии Гегеля. Альманах издан в Москве в 2006 году к 175-летию со дня смерти учёного. (В 2005 году исполнилось 235 лет со дня рождения).

В нём приняли участие и саратовские философы.

A964721

Абсолютный Гегель : теоретический альманах Res Cogitans # 2 / редактор М. А. Богатов. — Москва : Юность, 2006.— 160 с.— ISBN 5-88653-080-0. — Текст : непосредственный.

Саратовцы, участвовавшие в московском издании «Абсолютный Гегель» :

Богатов
Михаил Александрович,
доктор философских наук,
профессор кафедры
теоретической и социальной
философии СГУ

Богатов, М. А. Наука Мирового Духа: грёзы Дона Кихота / М. А. Богатов. — Текст : непосредственный // Абсолютный Гегель : теоретический альманах Res Cogitans #2 / редактор М. А. Богатов. — Москва : Издательский дом «Юность», 2006. — С. 136-153. — ISBN 5-88653-080-0.

Косыхин
Виталий Георгиевич,
доктор философских наук,
заведующий кафедрой философии и
методологии науки СГУ

Косыхин, В. Г. Вокруг понятия: Гегель и язык философии / В. Г. Косыхин. — Текст : непосредственный // // Абсолютный Гегель : теоретический альманах Res Cogitans #2 / редактор М. А. Богатов. — Москва : Издательский дом «Юность», 2006. — С. 13-19. — ISBN 5-88653-080-0.

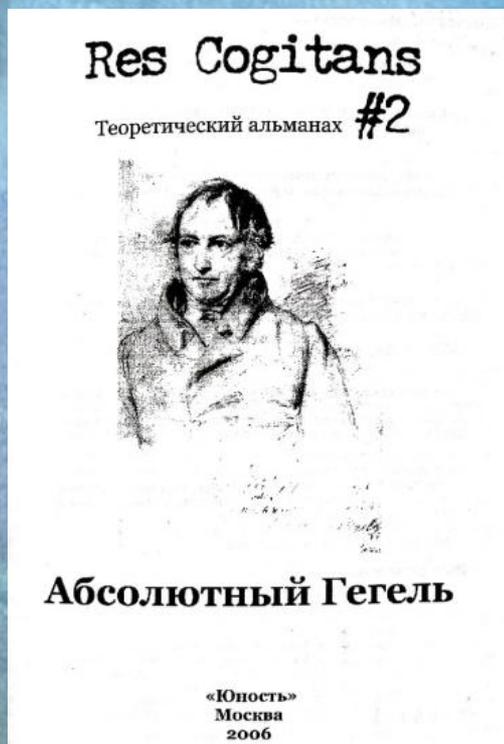

**Малкина
Светлана Михайловна,
доктор философских наук,
профессор кафедры теоретической
и социальной философии СГУ**

Малкина, С. М. История философии Гегеля и судьба современной философии / С. М. Малкина. — Текст : непосредственный // Абсолютный Гегель : теоретический альманах Res Cogitans #2 / редактор М. А. Богатов. — Москва : Издательский дом «Юность», 2006. — С. 70-80. — ISBN 5-88653-080-0.

**Савинов
Александр
Александрович,**
инженер Института
археологии и культурного
наследия СГУ. Корректор
текста издания

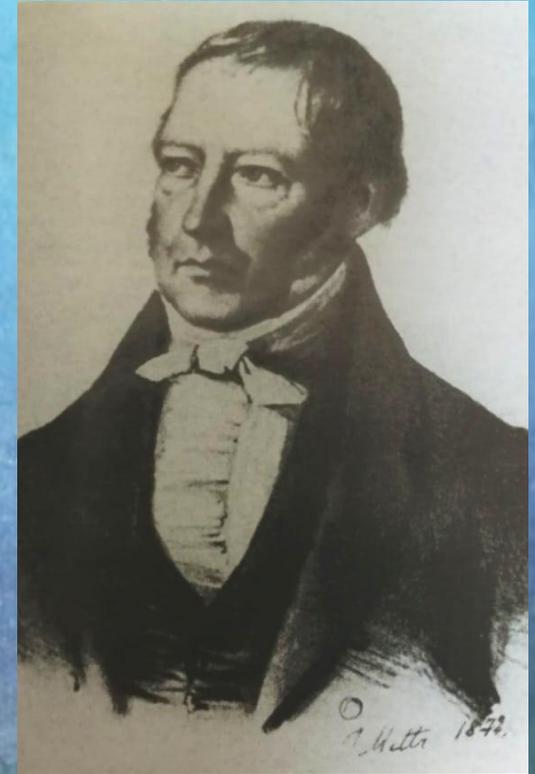
**Ромашенко
Александр
Александрович,**
кандидат философских
наук, доцент кафедры
философии СГТУ.
Художник-оформитель
издания

Саратовские исследователи о Гегеле

М. А. Богатов

Краткое слово к юбилею Гегеля

250 лет назад родился Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Он прожил 61 год, оставив после себя несколько философских сочинений, которые безо всякого преувеличения можно назвать эпохальными. Неслучайно, что период классической немецкой философии (по аналогии с греческой “классикой” – Сократом, Платоном, Аристотелем) завершается Гегелем. То, что было после, называется по-разному, но, в целом, исследователи согласны в том, что началась “современность”. Отсюда разное отношение к наследию Гегеля – одни хотят запретить его в “досовременности”, другие видят в нём первого мыслителя современности. В зависимости от того, какой позиции придерживаются, по-разному понимают и нашу современность: захватывает ли она собой пласт великих европейских устремлений или же, напротив, обречена начинать свои дни позитивизмом, прагматизмом и аналитикой.

A handwritten signature of Georg Wilhelm Friedrich Hegel, written in cursive script.

Сегодня, если судить по установкам историков философии, чаша весов всё более склоняется ко второй позиции, а потому Гегеля воспринимают как пусть и “великое”, но “не наше” (в России, кстати, больше всего прижилось шеллингианство, а гегельянцы были в меньшинстве). Те, кто придерживаются этой второй позиции, вынуждены “оглуплять” Гегеля, наделяя его некими “привилегиями”, которых мы, нынешние, вроде бы лишены. Якобы, это в те времена можно было философствовать без забот, строить системы и мечтать о великом будущем; сегодня же мы оказались в трудной ситуации, всё неопределённо, и что делать, о чём мыслить, кроме ближайшего, взятого из новостной ленты, неизвестно.

Дом в Штутгарте,
где родился Гегель

Здание философского факультета университета в Тюбингене

Усугублять свои трудности и приписывать прошлому лёгкость и белизну античных безмятежных статуй – симптом нашего времени, симптом любого времени, которое боится мыслить. В таком случае следует помнить даже не о Гегеле, а о казни Сократа – как раз о том замечательном времени, когда, по представлениям некоторых историков философии, каждый афинянин мыслил платоновскими диалогами. Конечно, это иллюзия. Мысль – это всегда трудно, всегда нехоженый путь вопреки бессмыслию, путь в неизвестность. Полагать, что Гегель стал собой, потому что “всё вокруг благоприятствовало”, значит поддаваться убаюкивающей нас самих иллюзии.

В 1816-м году Гегель вступает в должность на кафедру в Гейдельберге и начинает там читать свои лекции, в том числе по истории философии. Когда Гегель приходит в Гейдельберг после длительного перерыва в преподавании (у Германии были другие дела), он поначалу читает там свою габилитационную, то есть вступительную речь. Она издана в качестве предварения лекций по истории философии. В ней Гегелем даётся характеристика современности. Поскольку она короткая, приведём её целиком:

Итак, “Вступительная речь, произнесённая в Гейдельберге 8 октября 1816 года”: “Милостивые государи! Так как предметом наших лекций будет история философии, а я сегодня в первый раз выступаю в этом университете, то позвольте мне предпослать этим лекциям выражение особого удовольствия, доставляемого мне тем, что я именно в данный момент возобновляю свою философскую деятельность в высшем учебном заведении. Ибо наступило, по видимому, время, когда философия может снова рассчитывать на внимание и любовь, когда эта почти замолкшая наука получает возможность вновь возвысить свой голос и имеет право надеяться, что мир, ставший глухим к ее поучениям, снова преклонит к ней ухо. В недавно пережитое нами бедственное время мелкие будничные интересы повседневной жизни приобрели такое важное значение, а высокие интересы действительности и борьба за них так поглотили все способности, всю силу духа, равно как и внешние средства, что для высшей внутренней жизни, для чистой духовности уже не могло оставаться понимания и досуга, и те, которые обладали более возвышенным характером, были остановлены в своем росте и частью пали жертвами этого положения вещей. Так как мировой дух был столь занят действительностью, то он не мог обратить свой взор внутрь и сосредоточиться в себе.

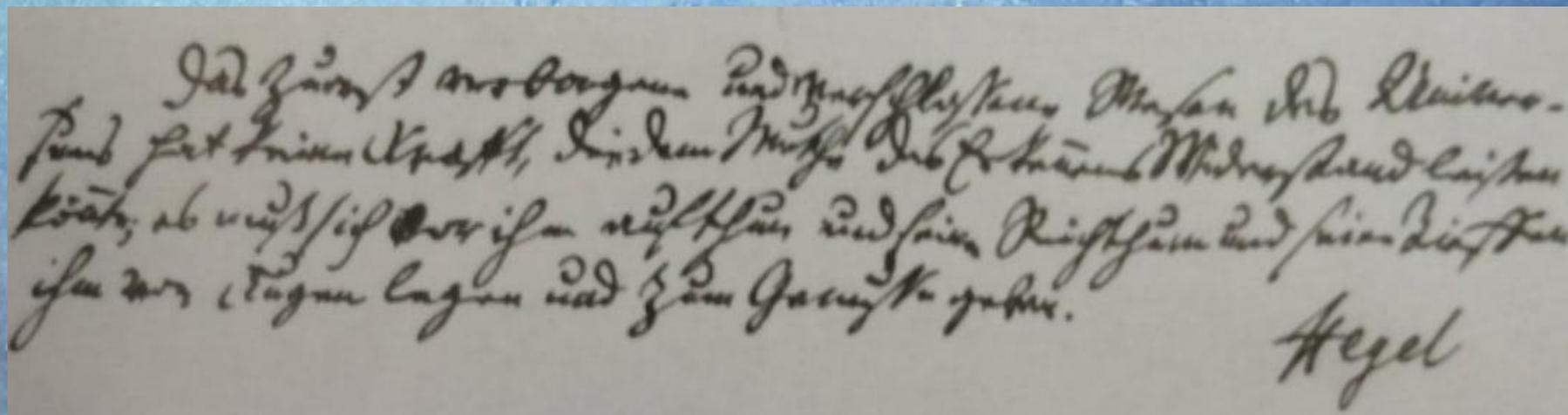
Ныне же, когда этот поток действительности остановлен, когда немецкий народ своей борьбой покончил с прежним своим жалким положением, когда он спас свою национальность, эту основу всякой живой жизни, мы имеем право надеяться, что наряду с государством, которое дотеле поглощало все интересы, воспрянет также и церковь, что наряду с царством мира сего, на которое до сих пор были обращены все помыслы и усилия, вспомнят также и о царстве божием; другими словами, мы можем надеяться, что, наряду с полити-

ческими и другими, связанными с будничной действительностью интересами, расцветет снова также и наука, свободный разумный мир духа. Мы увидим при рассмотрении истории философии, что в других европейских странах, в которых ревностно занимаются науками и совершенствованием ума и где эти занятия пользуются уважением, философия, за исключением названия, исчезла до такой степени, что о ней не осталось даже воспоминания, не осталось даже смутного представления о ее сущности; мы увидим, что она сохранилась лишь у немецкого народа, как некоторое его своеобразие.

Дом в Иене, в котором жили Гегель, Фихт, Гельдерлин, А. Шлегель и другие знаменитости, о которых напоминают мемориальные доски на здании

Мы получили от природы высокое призвание быть хранителями этого священного огня, подобно тому как некогда роду Евмолпидов в Афинах выпало на долю сохранение элевзинских мистерий или жителям острова Самофракии — сохранение и поддержание возвышенного религиозного культа; подобно тому как еще раньше мировой дух сохранил для еврейского народа высшее сознание, что он, этот дух, произойдет из этого народа как новый дух. Мы вообще теперь так далеко пошли вперед, достигли столь значительной серьезности и столь высокого сознания, что мы можем признавать лишь идеи и то, что получает оправдание перед нашим разумом; прусское государство, в особенности, построено на разумных началах. Однако бедствия пережитого нами времени, а также интерес к великим мировым событиям, о которых я уже говорил раньше, вытеснили также и у нас основательное и серьезное занятие философией и отвратили от нее всеобщее внимание.

A photograph of a handwritten manuscript in German, written in cursive. The text is a transcription of the paragraph above. The handwriting is dark ink on aged, slightly yellowed paper. The signature 'Hegel' is written in the bottom right corner.

Ich bin ein eingeborener und natürlicher Mensch der Welt-
geist, der seine Kraft, seinen Willen und seine Weisheit nicht
kann, ab und zu sich selbst zu helfen und seine Rechte und seine
Pflichten zu tun. Hegel

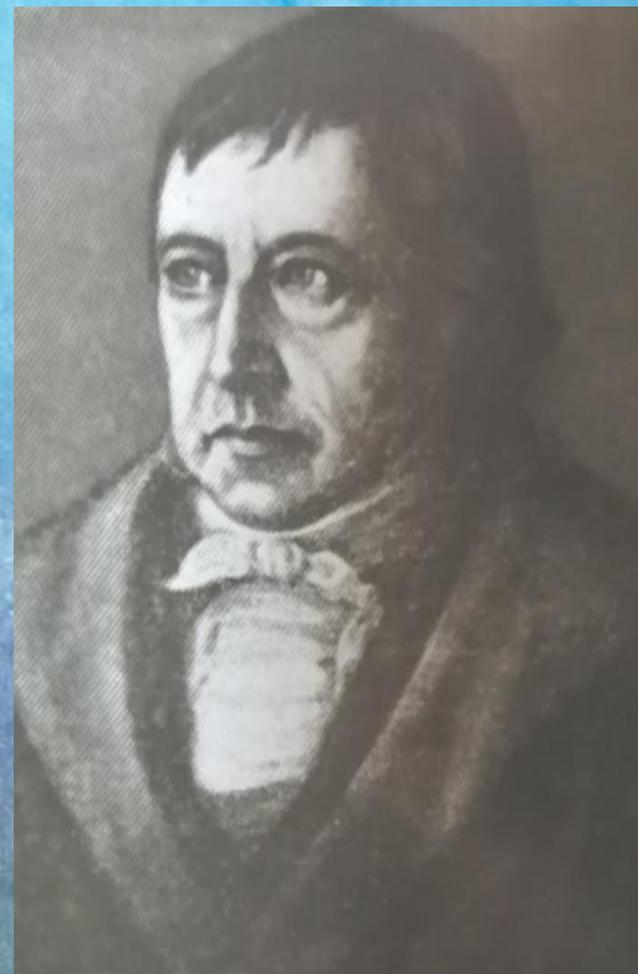
Автограф Гегеля

Вышло, благодаря этому, что дельные умы обратились к практическим занятиям, а плоские и поверхностные завладели ареной философии и чванливо на ней расположились. Можно сказать, что с того времени, как в Германии впервые зародилась философия, никогда так плохо не обстояло с этой наукой, как именно в наше время, никогда раньше пустое самомнение не выплывало так на поверхность, никогда оно не говорило и не действовало с такой заносчивостью, как будто власть всецело в его руках. Противодествовать этой поверхностности, сотрудничать с представителями немецкой серьезности и честности, чтобы извлечь философию из того одиночества, в котором она искала себе убежище, — к этому, смеем надеяться, призывает нас более глубокий дух времени.

Берлинский университет

Будем приветствовать вместе утреннюю зарю более прекрасного времени, когда дух, до сих пор насильно влекомый вовне, получит возможность возвратиться к себе, прийти в себя и сможет обрести место и почву для своего собственного царства, в котором умы и сердца поднимутся выше интересов сегодняшнего дня и будут восприимчивы к истинному, вечному и божественному, будут способны рассматривать и постигать то, что выше всего другого. Мы, люди более старого поколения, достигшие зрелого возраста в бурное время, можем почитать счастливыми вас, молодость которых наступает в наши дни, в дни, которые вы можете беспрепятственно посвящать истине и науке. Я отдал свою жизнь науке, и мне радостно находиться теперь на месте, где я в большей мере и в более обширном круге деятельности могу способствовать распространению и оживлению высших научных интересов и, в частности, ввести вас в область этих высших интересов. Я надеюсь, что мне удастся заслужить и приобрести ваше доверие. Пока же я ничего другого не требую, кроме того, чтобы вы, главным образом, принесли с собою доверие к

Гегель в берлинский период

науке и доверие к себе. Смело смотреть в глаза истине, верить в силу духа — вот первое условие философии.

Так как человек есть дух, то он смеет и должен считать самого себя достойным величайшего, и его оценка величия и силы своего духа не может быть слишком преувеличенной, как бы он ни думал высоко о них; вооруженный этой верой, он не встретит на своем пути ничего столь неподатливого и столь упорного, что не открылось бы перед ним. У скрытой и замкнутой вначале сущности вселенной нет силы, которая могла бы противостоять дерзанию познания; она должна раскрыться перед ним, показать ему свои богатства и свои глубины и дать ему наслаждаться ими”.

Диагноз, который даёт Гегель своей современности, весьма напоминает те, которые мы даём своей собственной – но он делает из этого диагноза, вопреки этому диагнозу, иной вывод, нежели те, которыми мы привыкли себя успокаивать.

Гегель в последние годы

Владимир Вениаминович Бибихин полагал, что вся наша современность вынуждена обитать в рамках того фундамента, который заложен мыслью Гегеля – даже тогда, когда мы о нём не думаем, не хотим думать, не любим его, не знаем. Кажется, что в этом он был прав. Содержание философии Гегеля достаточно хорошо изучено – вдоль и поперёк, но при всей нашей скрупулёзности нам не хватает одного – настроения Гегеля на постижение мира. Настроение Гегеля нельзя прочесть в его книгах, оно – раньше их появления. Это настроение философии Гегеля есть ни что иное, как задание нам, сегодняшним. Способны ли мы на оное? Не надо спрашивать: зачем? к чему? а что это даст? Как раз такая серия вопросов, которым нас учат, преждевременно срывает возможность мыслить, настроиться на мир. Не надо задавать привычных нам вопросов (и, соответственно, получать привычные для нас ответы) – и тогда, может быть, мы научимся видеть мир иначе, уютнее, продуктивнее для нашего собственного бытия.

Медаль в честь 60-летия
Г. В. Ф. Гегеля

И. Д. Колесников* **Окончателность Гегеля**

Спустя двести пятьдесят лет со дня рождения философа мы можем спросить: может ли быть Гегель полезен нам? — Нет. Вопрос в том, можем ли мы быть полезны Гегелю? И кто такой «Гегель»?

Гегель — спокойный и бесстрастный взгляд на смену форм, на их рождение и их уничтожение, это тот, кто удерживает напряжение мысли, не останавливаясь на одной стороне дела. Он не оправдывает и не обвиняет, он только мыслит и созерцает.

Гегеля невозможно читать наряду с другими философскими авторами — его философия тотальна и абсолютна, он требует от нас полной самоотдачи. Его философия никак не применима к жизни, если мы не понимаем последнюю в гегелевском духе — как воплощённое мышление.

Мы можем жить его философией в той мере, в какой мыслим: это можно назвать «снятием» жизни, а можно и обретением жизни истинной (в духе *vita nuova*).

*Колесников Илья Дмитриевич, кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии СГЮА

Многие не выдерживают накала его мысли и «переводят» философию Гегеля на другой язык, будь то язык политических теорий или экзистенциализма. Но обрести полноту мы можем лишь в том случае, если не переводим его мысль, если переводим «своё» мышление на язык Гегеля (только такое его чтение и возможно). Мы должны почувствовать ясность, простоту и точность его языка.

Опыт понимания его философии, если он однажды произошёл, навсегда становится для нас событием мысли, событием жизни. Может ли быть перевод Гегеля на другой язык, будь то язык политических теорий или экзистенциализма. Но обрести полноту мы можем лишь в том случае, если не переводим его мысль, если переводим «своё» мышление на язык Гегеля (только такое его чтение и возможно). Мы должны почувствовать ясность, простоту и точность его языка.

Опыт понимания его философии, если он однажды произошёл, навсегда становится для нас событием мысли, событием жизни. Может ли быть Гегель полезен нам? — Нет, это окончательность мысли, её завершение. Всю дальнейшую историю философии можно (как можно многое что) рассмотреть как историю самозабвения мысли в ожидании нового начала. Можно отвести от Гегеля взгляд, забыть его, как забывают себя («утопим весело умы»), но Гегель остаётся — как и мы остаёмся в одной из форм мысли, все возможные варианты которой он последовательно описал. Мы можем либо слепо отстаивать предыдущие формы становления духа (которые с необходимостью должны быть сняты, да ведь мы же упорны), либо согласиться с необходимостью его прозрения; не стать гегельянами, а присоединиться к созерцанию Гегеля, к созерцанию ничто и бытия, нового рождения, новой гибели, новой метаморфозы.

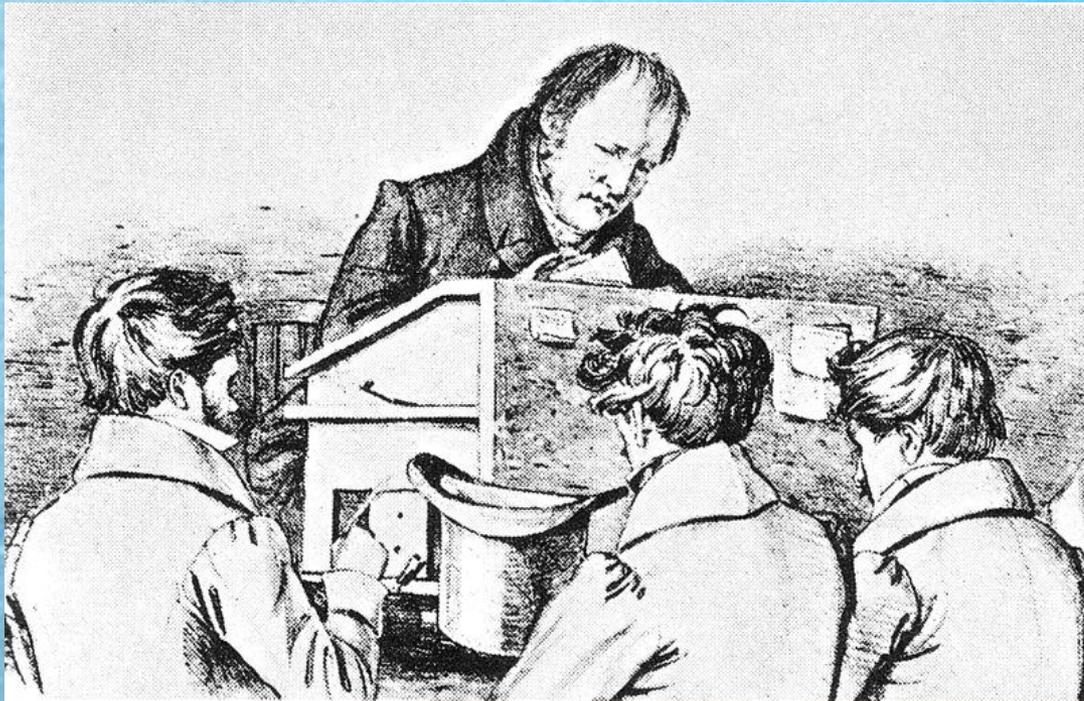
А. В. Дрозденко* **О Гегеле**

Любой текст или речь о Гегеле возможны только в форме признания в самой страстной любви. Гегель - величайший учитель свободы, всем существом своего учения и жизни (вещи, которые невозможно разделить у любого честного мыслителя) показывающий мощное движение Духа. "Показывающий" именно в настоящем времени. Дело Гегеля не умерло, оно не осмысленно в достаточной мере, Гегель неудобен, история философии показывает, что даже его ученики пытались "приложить" и переложить его учение для своих целей. Мы знаем, что каждая мало-мальски значимая фигура философии начинала с "преодоления" Гегеля. Однако все эти "преодоления" в столь множественном числе сделали одну полезную вещь для нас - сохраняли память о деле Гегеля.

*Дрозденко Арсений Владимирович, студент 3-го курса философского факультета СГУ

Наша же задача - впервые взяться за него. Гегеля необходимо осмыслять гегельянски - из него самого. Важнейший урок, который он нам даёт - мыслить вещи, исходя из них самих. Самое радикальное, то есть возбуждающее движение Духа, прочтение Гегеля - читать самого Гегеля. Ни одно из прочтений Гегеля, можно привести как полярные прочтения Маркса (революционное) и Кожева (экзистенциальное), не дотягивает до самого оригинала. Дух в первом случае вырывается во внешнее, в деятельность, во втором же скорее замыкается в себе, но в обоих этих случаях не возбуждается Абсолютного движения.

Кто такие "Наши", кому историей даровано продолжить дело Учителя? - Союз студентов и преподавателей, которых не оттолкнёт сильное и прекрасное движение Духа. Тех, кто видит развитие к торжеству Разума, а не усреднённого благополучия. Я вижу многих, кому по силам отдаться полностью работе Духа. Георг Вильгельм Фридрих Гегель показывает отдельному субъекту выход из своего замкнутого разума к Абсолюту, только так возможно мышление, в его тождестве с бытием. Это вера в философию, человека, Мир. Благодаря этому Гегель жив, благодаря этому Мы можем называть его Учителем, благодаря этому Мы можем поздравить его с юбилеем. С юбилеем, дорогой Учитель, Ваше дело продолжается!

Благодарим профессора
М. А. Богатова
за предоставленный
материал.

Гегель на кафедре. Литография Ф. Куглера

При подготовке выставки использованы иллюстрации с сайта:
Гегель. Иллюстрации. – Изображение : непосредственное // Арсений
Владимирович Гулыга. Русская идея : сайт. – Москва, 2012. – URL:
<http://www.gulyga.ru/texts/page?pid=6&item=2&page=96> (дата обращения:
19.08.2020).

© Гордеева, Т. В., Новикова, А. А., виртуальная выставка, 2020